

И все-таки — Фанни Гордон

— ...ХОТЯ Я БЫЛА
МОЛОДА, ЗА МНОЙ
УТВЕРДИЛОСЬ
РЕНОМЕ
ПОПУЛЯРНОГО
КОМПОЗИТОРА.
ОДНА ИЗ МОИХ
ОПЕРЕТТ ШЛА
В ТРИДЦАТЬ
ПЯТОМ ГОДУ
В БРЮССЕЛЕ,
АНТВЕРПЕНЕ
И ДРУГИХ
ГОРОДАХ ЕВРОПЫ.
ПОТОМ НАЧАЛАСЬ
ВОЙНА, И ВСЕ
РУХНУЛО...

ХОЗЯЙКА разбирается со своим архивом, а я неспешно пью кофе и рассматриваю альбом со старыми снимками. На доверенных фотографиях, много раз, видимо, переснятых, она выглядит довольно эффектно — яркая, броская красота странным образом сочетается с утонченной интеллигентностью ее облика...

— Ну, наконец нашла. Вот, полюбуйте. Самое первое издание.

Она подает мне пожелтевший картон с нотами. На лицевой стороне читаю: «Слова Анджея Власта, музыка Фанни Гордон. Под самоваром. Популярная песня из ревию «Путешествие на Луну» в театре «Морское око» 1931 год». И во весь формат рисунок лихо отплясывающей на фоне самовара парочки.

Впрочем, пора объяснить читателю все по порядку. Изучая как-то дискографию Леонида Осиповича Утесова, я заметил, что на пластинках разных лет указаны различные авторы имевшей некогда фантастическую популярность песенки «У самовара». На пластинке 30-х годов автором значилась некая Фанни Гордон, в семидесятые годы — Квятковская, а на втором диске альбома «Памяти Утесова» в создатели этой песни попали даже Л. Дидерихс и В. Лебедев-Кумач. Находясь в Ленинграде, в гостях у известного в прошлом деятеля театра Григория Марковича Полячека, человека поистине энциклопедических знаний по эстраднему искусству, я попросил его помочь мне разобраться, в чем тут дело. Поняв все буквально с полуслова, он тут же полистал свою записную книжку и выдал мне нужный телефон. Так я попал к Фаине Марковне Квятковской — композитору, драматургу, переводчику...

— Фаина Марковна, так значит «Гордон» — это...

— Моя девичья фамилия. Знаете, эту песенку я написала, когда мне не исполнилось и двадцати лет. Я тогда была, как говорится, музыкальной девушкой. Играла на фортепиано, очень любила слушать русскую классику, особенно Римского-Корсакова. А музыку придумывала, можно сказать, со дня рождения. Первое мое сочинение — песенка «Бурино море». А в десять лет я написала оперу. Там у меня был студент, который влюбился в цыганку, и отец его выгнал из дому... Как-то раз — мы тогда уже жили в Варшаве — в одном доме родители заставили меня играть мои «произведения». Среди гостей был директор

театра-варьете «Морское око» Анджей Власт. Одна из мелодий ему очень понравилась, он попросил ее сыграть еще раз и взял мелодию себе.

Власт придумал оригинальный номер: под гигантским самоваром сидели парень и девушка, они пили чай, а потом начинали танцевать и петь — «Под самоваром щедра моя Маша, я муве «так», а она муве «нет»... Текст песни написал сам Власт — он, кстати говоря, был автором слов всех песен, которые шли у него. Но его стихи показались мне несколько пошловатыми, и я потом переделала их. Правда, в исполнении Леонида Утесова из песенки выпал первый куплет, потому что мелодию и текст он взял с немецкой пластинки фирмы «Полидор», а там певец Нюма исполнил «Под самоваром» без начала.

Успех песенки был совершенно фантастический. В этом, кстати, немалая заслуга и пары, танцевавшей на сцене, — балетмейстера Феликса Парнеля и его партнерши Зи-зи Халяма. Помню, через некоторое время Парнель пришел ко мне, рассказал один сюжет и попросил написать танго «Аргентина». Я выполнила заказ, и танго, оно начиналось так: «Ночью, ночью, в знойной Аргентине...» — в их исполнении тоже стало чрезвычайно популярным.

— Оно ведь было модным, говорят, и в пятидесятые годы, только уже в исполнении братьев Лепянских... Значит, судя по рецензиям, дела у вас шли неплохо?

— Да. Хотя я была молода, за мной утвердилось реноме популярного композитора. Я писала эстрадные балеты. В Варшаве в театре «8—30» ежевечерне в течение года шла моя оперетта «Нью-Йорк беби, или Яхта любви», где было более двадцати танцевальных и песенных номеров. В тридцать пятом году эта оперетта шла в Брюсселе, Антверпене и других городах Европы.

— Ну а потом...

— Потом началась война, и все сразу рухнуло. Был плен, лишения, гетто... Чудом удалось избежать смерти. Когда Варшава была освобождена, всем, кто родился в России, предложили вернуться на родину. Я поехала не раздумывая.

— А как складывалась ваша дальнейшая жизнь?

— Девятого мая сорок шестого года я уже выступала в качестве ведущей в Мурманске, в интерклубе, перед нашими и иностранными моряками. Программу вела на английском языке. Постепенно из этого выступления сложилось целое представление, оно называлось «Кругосветное путешествие». В Калининской областной филармонии, например, я выступала со своим джазом. Конфе-

рансье объявлял: «Сейчас наш руководитель Фаина Квятковская даст вам урок английского языка в ритме джаза». И в течение пяти-шести минут я давала вот такой своеобразный урок грамматики. Это был мой коронный номер. Что еще? В сорок седьмом году я приехала в Ленинград и стала работать в Ленгосэстраде — писала детские пьесы, музыкальные фельетоны, песни, переводила польские юморески. В начале пятидесятых годов на сценах музыкальных театров Ленинграда, Иркутска, Хабаровска состоялась премьера моей оперетты «Девушка из Шанхая»...

— Фаина Марковна, как же все-таки получилась эта маленькая, скажем так, неразбериха с авторством вашей песни?

— Я, знаете, человек непритязательный. Видите, у меня даже пианино нет. Хотя в свое время могла бы, наверное, на одном «Самоваре» заработать миллион. Но у меня тогда и в мыслях не было, что есть какие-то формальные вещи. Поют «У самовара» — ну и хорошо. А на фирме «Мелодия», видимо, не очень-то интересуются, кто истинный создатель того или иного произведения, если оно написано, допустим, еще в довоенное время. Так бы и продолжалось, если бы один мой знакомый не надоумил обратиться во Всесоюзное агентство авторских прав. И справедливость сразу была восстановлена. Могу еще добавить вот что: некоторые композиторы, сочиняя музыку к фильмам, в которых действие происходит в тридцатые—сороковые годы, иногда используют мои мелодии. Но хоть кто бы из них позвонил и спросил моего согласия или хотя бы просто поблагодарил... А когда им указывают на живого автора, они попросту разводят руками: «Ну извините — не знали».

...Хозяйка варит свежий кофе. Я уже несколько освоилась и шутиливо замечая, что нашей встрече более приличествовал бы душистый чай из самовара. Фаина Марковна так же шутиливо парирует мои претензии: «Самовар есть, но с хорошим чаем в городе напряженка, а плохим поить гостей не хочется».

СТРАННАЯ все-таки вещь — популярность. Какова все-таки ее истинная значимость, если радио и телевидение чуть ли не каждый день представляют нам все новых и новых композиторов — через месяц мы уже не помним их песен, — а тут живет и здравствует автор знаменитейшего шлягера «У самовара» — и ничего, и никто его не знает. И никакого ажиотажа. Нет, право, странная вещь — популярность...

Б. САВЧЕНКО.

Фото из архива Ф. М. Квятковской.

АЛК